

R. Steiner is based, are determined. The features of directly given sensory experience and directly given image of the world as initial moments in building the integrity of human nature – spiritual are determined.

Keywords: anthroposophy, lack of presupposition, spirituality, thinking, experience, integrity, sensual experience.

Осипов А. О., доктор філософських наук, професор, професор кафедри соціології, ЧНУ ім. Петра Могили (Україна, Миколаїв), anatolospova2@gmail.com

Формування і розвиток світогляду Рудольфа Штайнера Стаття 1. На шляху від філософії до антропософії

Спираючись на методи феноменології та герменевтики, визначені основні філософські принципи, на яких ґрунтується побудова Р. Штайнером антропософського світогляду. Виявлені особливості безпосередньо даного чуттєвого досвіду та безпосередньо даного образу світу як вихідних моментів у побудові цілісності природи людини – духовної.

Ключові слова: антропософія, непередумовленість, духовність, мислення, переживання, цілісність, чуттєвий досвід.

* * *

УДК 111:130.3:165

Вашкевич В. Н.,
доктор философских наук, профессор,
Национальный педагогический
университет им. М. П. Драгоманова
(Украина, Киев), gileya.org.ua@gmail.com

Осипов А. А.,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии,
ЧНУ им. Петра Могили (Украина, Николаев),
anatolospova2@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА Статья 2. НАУКА В СВЕТЕ АНТРОПОСОФИИ

Определены особенности научного познания в целом, которое основывается на воспринятном мышлении, а также отличие наук о неорганической и органической природе согласно учения антропософии. С помощью методов феноменологии и герменевтики раскрывается содержание антропософских положений.

Ключевые слова: восприятие, дух, идея, интуиция, мышление, непосредственное, опыт, переживание, понятие, суждение, «Я».

(стаття друкується мовою оригіналу)

В настоящее время дифференциация научного знания достигла значительных размеров; с другой стороны, наблюдается интеграция наук в большие комплексы. И тот, и другой процесс осуществляется исходя из различных методологических установок, что обусловлено многообразием предмета исследования и его целей. Уже начиная с XX века актуальным остается вопрос о ценностях, которые инициируются благодаря возрастающей роли научного знания; целях, которые достигаются применением результатов научных достижений, – насколько они адекватны природе человека. Все более широкое внедрение компьютерных технологий во все сферы жизнедеятельности, развитие нанотехнологий, по некоторым прогнозам, и вовсе исключают участие человека в производственном цикле, планировании, творчестве создания нового. Действительно ли машины могут заменить сознание человека? – Ответ на этот вопрос зависит от того, каким мы представляем себе человека, какими потенциальными

(может быть, еще не раскрытыми в полной мере) качествами обладает человек. И если проблему поставит более широко, то можно спросить о том, действительно ли правильно поступает человечество, избрав в качестве ориентира своего развития *технологический* путь?

С другой стороны все более актуальным становится вопрос о духовной сущности человека, его предназначении, качествах, которые он в себе еще должен развить, опираясь на приобретенный прежде практический и теоретический опыт. Философско–антропологическая традиция со времен И. Канта, через творчество Л. Фейербаха, затем М. Шелера в XX веке, религиозно–антропологические изыскания отцов церкви, начиная с Августина. Блаженного и до современного неотомизма, неизменно обращались к решению проблемы о соотношении веры и знания, науки и религии, науки и философии. Представитель неотомизма Э. Жильсон отмечает следующее: «Начиная с истоков патристики и до конца XV столетия история христианской мысли – это история непрерывных усилий показать согласие естественного разума и веры там, где оно существует, и добиться его там, где оно отсутствует. Вера и разум – две темы, на которых будет строиться вся история средневековой мысли, – были даны изначально и без возражений принимались всеми средневековыми философами от Скота Эриугены до св. Фомы» [1, с. 571].

Творчество Рудольфа Штайнера является одним из примеров решения вопроса о связи духовной сущности человека с его теоретической и практической деятельностью, в частности, – вопроса о соотношении духовной и рациональной составляющими в контексте развития научного знания.

Цель статьи состоит в определении особенностей антропософского подхода к пониманию природы научного знания и связи его с духовной природой человека, а исходя из этого – выявлении специфики наук о неживой и живой природе.

А) Непосредственное единство восприятия и мышления – основа научного познания

Рудольф Штайнер исходит из того, что практика научного знания пропитывает воспринятую действительность понятиями, нашим мышлением. Не соглашаясь с крайностью позитивизма, – с его тезисом об опоре лишь на восприятие, философ в то же время подчеркивает, что *разнообразно*, имеющее место в определениях мышлением чувственного опыта, невозможно искать внутри самого мышления. Посыл к такому разнообразию задает чувственное восприятие, инициируемое опытом. Однако, при всякой научной обработке действительности имеет место *конкретное восприятие*, в котором мы имеем *непосредственное единство восприятия и мышления* [2, с. 45–46]. Это проявляется в том, что состав суждения при такой обработке таков, что своим *подлежащим*, по терминологии Штайнера, оно имеет *восприятие*, а *сказуемым* – *понятие*. Подобным суждением определенное восприятие инкорпорируется в соответствующее место мыслительной системы ученого. Философ называет такое суждение *воспринятым суждением*, с помощью которого мы познаем, что определенный чувственный предмет по существу своему совпадает с определенным понятием. Таким образом, все науки, проникнутые мысленным

содержанием, видят в объекте восприятия особую форму понятия [2, с. 47–49].

При этом понятия и идеи – это *такое данное*, которое одновременно *выводит* и за пределы данного. Благодаря этому возникает возможность определить также и сущность последующей деятельности научного познания. При этом следует иметь в виду, отмечает Р. Штайнер, что единство мира было искусственно разорвано, а выделенный из данного сегмент (понятия и идеи), стоит *в необходимой связи с содержанием мира*. Тем самым, по Штайнеру, дан *следующий шаг* теории познания, сутью которого является *восстановление первоначального единства, разорванного этим выделением*. Это восстановление совершается в мышлении о данном мире [3, с. 44]. В мыслительном рассмотрении мира фактически происходит *соединение* двух частей содержания мира: той, которую мы обозреваем как *данное* на горизонте наших переживаний (субъект суждения), и той, которая должна быть *произведена в акте познания*, чтобы быть также *данной* (предикат суждения). Штайнер констатирует: «Акт познания есть синтез этих обоих элементов, и притом в каждом отдельном акте познания один из них является произведенным в самом акте, привнесённым через этот акт к только данному. Лишь в начале самой теории познания то, что обычно бывает произведенным, является как *данное*» [3, с. 44]. Тем самым мышление по отношению к данному содержанию мира выступает как *формирующий принцип*, утверждает Штайнер. Только если в данном скрыто нечто, что *еще не появляется*, когда мы рассматриваем это данное в его *непосредственности*, но появляется только при помощи *порядка, внесенного мышлением*, – только тогда возможен акт познания. То, что лежит в данном *до* мыслительной переработки, это и есть полная его *целостность*.

Таким образом, познание покотисяна том, что содержание мира дано нам первоначально в такой форме, которая *несовершенна*, не всецело его содержит, но которая, кроме того, что она предлагает непосредственно, – имеет еще вторую существенную сторону. Эта вторая, первоначально не данная сторона содержания мира открывается *через познание*. Только добытый через познание образ содержания мира, в котором указанные его стороны, может быть назван *действительностью*.

На примере философии Фихте Штайнер показывает тупиковость позиции которая в изначально исходит из разделения чувственной и мыслительной сторон познавательного процесса. Штайнер подчеркивает, что Фихте не показал связи между Абсолютным Я и процессом разворачивания его содержания. Т.е. не была решена проблема взаимосвязи Абсолюта как Первоначала с формой его реализации, проявления. По Штайнеру, в силу того, что в сознании *идея и данное* необходимо выступают раздельно, поэтому и вся полнота действительности для сознания расщепляется на эти две части, соединить которые оно может, по Штайнеру, путем собственной деятельности, что осуществляется *в акте познания*. Актуализация остальных категорий (идей), связанных с соответствующими формами данного, возможна при условии, что они прошли через познание и были восприняты в нем через деятельность сознания. Полагание же безусловного абсолютного субъекта

«Я» как необходимого и достаточного условия для построения картины мира *без корреляции с данностью*, как это имеет место у Фихте, *останется пустым и бессодержательным*. Штайнер утверждает, что «Я» может полагать только *определенную* деятельность. Оно не может полагать действительности *самой по себе*. Другими словами, полагание должно иметь *содержание*, но «Я» не может взять это содержание из себя самого. Таким образом, для полагания абсолютной деятельности «Я» должно существовать нечто, что через эту деятельность реализуется. Без обращения к чему-либо *данному* «Я» ничего не может и полагать. Тем самым устраняется всякая возможность движения от безусловного к обусловленному. Фихте лишь обозначил полагание бытия как характер деятельности «Я», не выяснив чем определяется эта деятельность. По Штайнеру «Я» лишь тогда приходит к полному содержанию действительности, когда оно приступает со своими формами мышления к *данному*. В противном случае, как это имеет место у Фихте, процесс познания представляется как создание мира из «Я», – образ мира все более становится построением «Я». Штайнер замечает: «Поскольку Фихте не установил *понятие познания*, которое [понятие] должно осуществить «Я», то он напрасно старался найти какой-нибудь переход от своего абсолютного деяния-действия к дальнейшим определениям «Я»» [3, с. 51–52].

Примером того, как Фихте пытался в самой *общей, мыслительно-абстрактной форме* решить проблему противоположности между «Я» и «не-Я» может быть следующее его рассуждение, каковых у философа огромное количество (см. например [4, с. 112–150]): «Я полагает себя как определяемое через не-Я... возник вопрос о том, как может Я в одно и то же время и *определять* и быть *определяемо*? Мы ответили на него так: *определять* и быть *определяемым* значит, в силу *понятия взаимопределиния* (выд. авторов – В. В. и А. О.), одно и то же. А именно, поскольку Я полагает в себя некоторое определенное количество отрицания, оно в то же время полагает некоторое определенное количество в реальности не-Я, и наоборот» [4, с. 134]. Как видим, все бесконечно разнообразное содержание чувственно-переживаемого мира Фихте вместил в один символ – не-Я и оперирует им как конечной величиной на основе, как он говорит, «*понятия взаимопределиния*». Т.е. речь идет не о конкретной данности переживания, а о его *понятии*. Таким образом, в лучших традициях схоластического мировоззрения, основанного на культивировании саморефлексии, создается плетение противоположностей (понятий) в мире мышления, оторвавшегося от его источника – мышлящего *индивида*. Как известно, Л. Фейербах, при всей ограниченности его антропологической установки, дал яркий пример критики идеалистического подхода к анализу действительности, где все противоречия разрешаются на уровне мышления, но никак не касаются целостного человека, где представлены не только мышление, но и все уровни существования индивида. Кратко эту позицию Р. Штайнер выразил следующим образом: «Сущность вещи обнаруживается лишь тогда, когда она приводится в соотношение к человеку» [2, с. 60].

В целях прояснения позиции Штайнера относительно особенности *антропософского подхода к процессу*

познания и критики им положений Фихте об Абсолютном «Я», можно было бы привести пример размышления о данном у Гегеля, которое свидетельствует о том, что оба эти философа придерживаются традиционно-философской позиции относительно статуса чувственной данности в теоретико-познавательном дискурсе. В своей «Феноменологии духа» Гегель говорит следующее: «Конкретное содержание чувственной достоверности придает ей непосредственно видимости богатейшего познания, больше того, видимость познания бесконечного богатства... Кроме того, чувственная достоверность имеет видимость самой подлинной достоверности; ибо она еще ничего не упустила из предмета, а имеет его перед собой во всей его полноте. Но на деле эта достоверность сама выдает себя за истину самую абстрактную и самую бедную (выд. авторов – В. В., А. О.). О том, что она знает, она говорит только: оно есть; и ее истина заключается единственно в бытии вещи (Sache). Со своей стороны сознание в этой достоверности имеется только как чистое «я»; или я есмь тут только как чистый «этот», а предмет равным образом – только как чистое «это»» [5, с. 51].

Сантропософской позиции на это рассуждение можно возразить следующее. Чувственная достоверность, по Гегелю, является абстрактной и бедной с точки зрения абсолютизации роли мышления в познавательном процессе, так как, согласно Гегелю, данность «снимается» мышлением и не может служить индикатором истины. Это происходит потому, что данность воспринимается не как таковая, а как понятие достоверности, где в «чистом «этот», по Гегелю, снимается вся ее содержательность. В этом проявляется рационалистическая установка на иерархию познавательных способностей человека, в которой мышление занимает ключевое место. Как было показано выше (см. статья 1), Штайнер также говорит о важной роли мышления. Однако, у него речь идет о *восприимчивом мышлении*, а также о *переживании* как составляющей чувственно данного, – феноменов познавательного процесса, присутствующих на всех этапах разворачивания содержания сознания. Их взаимосвязь является одними из факторов формирования способности к постижению *духовного* мира, которое, по Штайнеру, не имеет ничего общего с интеллектуальными процессами. (Рассмотрением вопроса о формировании духовного мира в сознании человека на основании мышления Штайнер занимается, в основном, во второй период своего творчества).

Выражая свое отношение к предшествующим теоретико-познавательным концепциям, Штайнер солидаризируется с И. Кантом в разделении двух форм деятельности мышления, используемых в науке – различающей, оперирующей понятиями (рассудок), и связующей, имеющей способность воспринимать идеи (разум). Однако, философ не принимает тезисов Канта о том, что: а) «образования, выявляемые разумом, являются только обманчивыми образами, иллюзиями, которые вечно рисует себе человеческий дух»; б) «единства, создаваемые в идеях, не основаны на объективных данных, не вытекают из самой вещи, но суть лишь субъективные формы, которыми мы упорядочиваем наше знание» [2, с. 51]. На это Штайнер отвечает: «Единство, составляющее предмет разума, заведомо существует *раньше* всякого мышления, раньше

всякого употребления разума; но только оно скрыто, оно существует лишь как возможность, а не как фактическое явление. Затем дух человеческий производит *разделение*, чтобы в разумном соединении разделенных частей вполне уразуметь действительность» [2, с. 52]. Констатируя, что современная наука различает (анализирует) действительность до мельчайших подробностей, Штайнер отмечает, что рассудок удаляется от природы, теряя *духовную связь*, соединяющую все части действительности. Разъединение – хоть и необходимый переходный этап, но не завершающий, замечает философ [2, с. 50]. Овладевая наукой, человек соединяет чувственный и мысленный миры в *нераздельное единство* целого [2, с. 56].

Штайнер подчеркивает, что в его собственной концепции преодолевается *односторонность* догматизма («вещь в себе» по Канту) и субъективного идеализма («Абсолютное «Я» у Фихте), так как они по своему взаимоотношению существенно определяются лишь *в мышлении*. «Вещь в себе» и «Я» нельзя определить путем логического вывода одного из другого, но оба *должны быть определены измышления* сообразно их характеру и отношению. Односторонность *эмпиризма и рационализма* устраняется, по Штайнеру, объединением их позиций в идее *единства восприятия и мышления*. Эмпиризму отдается должное принятием тезиса о том, что по содержанию все познания о данном могут быть достигнуты только в *непосредственном соприкосновении с самим данным*. Рационализм же находит свое место в теории познания за счет того, что мышление объявляется необходимым и единственным посредником познания. *Скептицизм* же вынужден оставить свои сомнения в возможности познания мира, «так как относительно «данного» не в чем сомневаться, ибо оно еще не затронуто никакими дарованными через познание предикатами» [3, с. 61–62]. Точка зрения *Шопенгауэра*, что мышления недостаточна для построения мира, что к мысленному содержанию следует прибавить, например, волю, силу и др., основывается на *отвлечении из воспринимаемого* мира. Воля, сила и др. сами нуждаются в объяснении посредством мышления. Штайнер подчеркивает, что помимо чувственного восприятия и мышления мы не имеем ничего третьего. При этом философ утверждает, что такое положение дел не приводит к субъективизму: «Образ действительности, который человек нарабатывает в науке, есть ее последний, истинный образ» [2, с. 58–60].

Далее Р. Штайнер ставит вопрос о том, каково *положение познающей личности* по отношению к объективному существу мира? Что означает для нас обладание познанием и наукою? Общий итог ответа на него, по Штайнеру, состоит в следующем: а) в нашем знании *живает* себя самое внутреннее ядро мира. Закономерная гармония, которою управляется вселенная, выявляется в человеческом познании; б) *сущность* знания заключается в том, что в нем проявляется никогда не найденное в объективной реальности основание мира. Наше познание есть постоянное *вживание* в основание мира; в) наша деятельность есть часть общего мирового процесса. Тем самым она также подчинена общей закономерности этого процесса [2, с. 54–58].

Указанные выше *теоретические* положения очерчивают подход и к *практическому пониманию*

жизни в определении закономерности для *человеческой деятельности*, что становится предметом исследования в наиболее значимом произведении первого периода творчества Штайнера – «Философии свободы». Познание этой закономерности для человеческой деятельности есть только особый случай познания. Образ жизни человека по всему своему характеру обусловлен нашими *нравственными идеалами*. Это идеи, которые мы имеем в жизни о наших задачах, которые мы создаем о том, что мы должны совершать через нашу деятельность.

Отсюда задача для человека: познать себя как *действующую* личность, другими словами, обладать для своей деятельности соответствующими законами, то есть нравственными понятиями и идеалами как знанием. В случае познания этой закономерности наша деятельность становится нашим делом. Закономерность тогда не дана нам как нечто, что лежит вне объекта, над чем совершается процесс, но выступает как содержание самого занятого *живым деланием объекта*. Объект в данном случае есть наше *собственное «Я»*. Познать законы своей деятельности значит сознавать свою *свободу*. Процесс познания, согласно Штайнеру, есть процесс развития к свободе. Лишь поскольку наша жизнь принадлежит ей, можно называть ее нравственной. Превращение области необходимости в таковую же с характером свободы есть задача всякого индивидуального развития, как и всего человечества. Самая важная проблема всякого человеческого мышления следующая: понять человека как основанную на себе самой свободную личность.

Таким образом, Штайнер намечает общие контуры концепции научного познания, в которой центральное место занимает человек, реализующий и развивающий в ходе познания свой когнитивный потенциал и одновременно наряду с этим – становящийся со–творцом мира и реализующий себя как свободная личность. Следует подчеркнуть, что практическая плоскость научного познания состоит, по Штайнеру, не столько во внедрении научных достижений в производственные процессы и расширении материальной базы для роста благосостояния, сколько в разворачивании духовного потенциала личности. Насколько современная наука, особенно естествознание, в состоянии принять во внимание такой ориентир – вопрос риторический. Ибо в практической плоскости остается нерешенной проблема того, будет ли ученый, занимающийся изучением конкретных областей действительности – предмета, существующего во внеположном ему мире, мотивирован к постижению своего собственного духовного мира. А ведь именно в усилиях по достижению единства внешней и внутренней деятельности должна состоять высшая цель ученого. Актуальность для современной науки вопросов, рассматриваемых в «Философии свободы», становится все более настоятельной и требует специального рассмотрения в будущем.

Б) Общее и различие наук о неорганической и органической природе.

Особенностью процессов в неорганической природе, отмечает Р. Штайнер, является то, что в них какая-либо вещь, оказывая влияние на другую, переносит свои качества на остальные предметы. Такой способ взаимодействия факторов природного процесса в неорганической природе выступает как

непосредственный опыт. Задача науки состоит в соединении чувственных фактов, которые в противном случае для нас остаются неясными, непрозрачными. Феномен, в котором характер процесса вытекает непосредственно с прозрачной ясностью из природы рассматриваемых факторов, Штайнер называет *первичным феноменом*, или *основным фактом*. Такой первичный феномен тождествен с *объективным законом природы*. На нахождении первичных феноменов зиждется все развитие науки [2, с. 61–65].

Первичный феномен может быть найден *чисто мыслительным* путем, если мысленно привести соответствующие факторы в связь согласно их сущности, и, при создании необходимых условий, – искусственным путем, что имеет место в научном *эксперименте*. При положительном результате эксперимент показывает, что во всех отдельных опытах одна и та же часть фактов остается неизменной. Она и составляет *высший опыт* в опыте. Это есть, по Штайнеру, основной факт, или тот же *первичный феномен*, полученный в *эксперименте*. Так мы получаем объективный феномен на основании субъективного опыта. Эксперимент в неорганическом естествознании поэтому есть истинный посредник между субъектом и объектом. Такой способ познания Гете и Шиллер назвали *рациональным эмпиризмом*, где чувственные процессы познаются *в постигаемой лишь мышлением связи* [2, с. 67].

Однако, Штайнер отмечает, что обыкновенный опыт есть лишь *половина действительности*; для *восприятия* только и существует одна эта половина. Другая половина наличествует только для нашей способности *духовного восприятия*. Критерию научности, отмечает Штайнер, соответствует такое знание, которое нас вводит в *завершенное целое*. А это имеет место лишь тогда, когда дух поднимает опыт от восприятия *до уровня своего собственного явления*. Но чувственный неорганический мир ни в одной своей части не является завершенным; нигде не выступает как индивидуальное целое, не доходит *до индивидуальности*. Только в своей всецелости он завершен. Чтобы получить целое, необходимо стремиться понять совокупность неорганического как единую *систему*. А такая система есть *Космос*. Философ делает вывод: *проникающее до конца понимание Космоса есть цель, идеал неорганического естествознания. Всякое, не идущее до конца научное стремление, есть лишь подготовка, лишь часть целого, но не само целое*.

Следует подчеркнуть, что в данном случае, с точки зрения антропософского учения Штайнера, достижение понимания целостности существования Космоса как системы имеет место тогда, когда ученый обращается к *внутреннему состоянию открытия в себе деятельности духа*. «Обыкновенный опыт» или непосредственный опыт, основанный лишь на восприятии, «ползет» по поверхности событий, отмечая их последовательность. Лучшее, на что он способен – это соединение чувственных фактов. Однако, уже приведение к закону или, как говорит Штайнер, – *первичному феномену*, происходит благодаря деятельности духа, так как оно осуществляется «мысленным путем», который есть не субъективная деятельность индивида, а представляет собой коэволюционный с природой процесс. Поэтому познание природы – это не только познание целостности Космоса, но и познание целостности познающего

Субъекта как фактора развития самого Космоса–Вселенной.

Для того, чтобы подчеркнуть такую *органичность* взаимодействия субъекта и объекта в процессе познания, Штайнер употребляет термины «изживание», «вживание» (см. выше), тем самым показывая, что познание человека есть «часть мирового процесса» и имеет онтологическую составляющую. Исходя из этого значение эксперимента состоит не столько в том, что он подтверждает или опровергает наши предположения и гипотезы (как это понимает традиционная научная методология, основанная на тезисе, что своим сознанием человек *отражает* мир), а в том, что эксперимент является *формой практического единства субъекта и объекта*, благодаря которой познание достигает более высокой ступени развития как бытия, так и (что более важно) уровня самосознания самого ученого, – эти два процесса коэволюционируют. В этом суть антропософского мировоззрения, которое противостоит как позиции объективного, так и субъективного идеализма, где, хоть и исходя из противоположных позиций, постулируется противоположность внутреннего и внешнего аспектов единого процесса познания. Важно учитывать то, что в условия проведения эксперимента включается не только фактор изменения природных обстоятельств процесса, – т.е. изменение природы, но и осознание экспериментатором своих внутренних процессов: целей, идеалов, ценностей, что с неизбежностью предполагает формирование и культивирование духовной составляющей сознания экспериментатора.

Лишь при этом условии можно будет говорить о *коэволюции* Природы и Человека. В противном случае природа становится жертвой эгоистических устремлений человека, в своем развитии еще не дошедшего до того, чтобы *слушать* Природу, а не использовать ее в корыстно–прагматических целях. Насколько современная наука осознает этот вызов, увлеченная азартом познания глубин Вселенной, не подозревая, что изначальная их природа тождественна духовной природе Человека, – это вопрос, над которым следует серьезно задуматься, – такова позиция антропософского мировоззрения.

Вслед за Гете, Р. Штайнер выступает *против перенесения в науки о живом метода исследования неорганических наук*. Относительно какого–либо органа, говорит Р. Штайнер, следует спрашивать не *чему он служит, а откуда он происходит; не к чему что–нибудь пригодно, а как оно развивается*, какого оно происхождения, отмечает философ. В органическом мире вторичные внешние материальные условия могут иметь определяющее влияние, но не могут быть *производящей* причиной. Здесь только *мышление* должно ответить на вопрос: *откуда берем мы содержание того всеобщего, как частный случай которого мы рассматриваем отдельное органическое существо* [2, с. 69–71].

Поэтому, согласно антропософскому мировоззрению, в органической природе помимо исследования внешних причинно–следственных связей (как это делает традиционная наука) необходимо изучать основу, которая *через саму себя активно определяет возникновение объектов органического мира*. Такая основа не может быть ничем иным, кроме того, что является *в частном в форме всеобщего*. В частном же является всегда *определенный организм*. Этой основой выступает организм в форме

всеобщего, – *всеобщий образ организма*, охватывающий в себе все частные формы последнего. По примеру Гете Штайнер назвал этот всеобщий организм *типом*. Тип во всем своем совершенстве не развит в отдельном организме. Только наше сознание в состоянии овладеть им, извлекая его как всеобщий образ из явлений. Иными словами, *тип есть идея организма*: животность в животном, всеобщее растение в частном. Тип есть нечто вполне текучее; из него можно вывести все отдельные виды и роды, на которые можно смотреть как на подтипы, или обособленные типы. Тип есть то, что лежит в основе всего этого развития. *Тип есть истинный первоорганизм*, утверждает Штайнер. Никакое отдельное чувственно–действительное живое существо не может быть типом. Тип в органическом мире играет такую же роль, как закон природе в неорганическом. Как закон природы дает нам возможность узнавать в каждом совершении звено великого целого, так тип позволяет нам видеть в отдельном организме особую форму первообраза [2, с. 72–73].

Таким образом, в физике мы подводим единичный случай под закон. Закон в неорганической природе господствует над явлением как нечто, стоящее выше его; тип является *в отдельное живое существо*; он отождествляется с ним [2, с. 74–75]. Ряд *мысленно выведенных из типа* форм составляет, по Штайнеру, содержание *рациональной органики*. Закон природы выражает собою связь между раздельными в чувственном мире фактами; но как таковой противостоит отдельному явлению. *Тип же требует, чтобы мы каждый отдельный случай, встречаемый нами, развивали из первообраза, – исходной целостности*. Каждый отдельный организм есть особая форма выражения типа. Он – индивидуальность, которая из некоего центра сама себя регулирует и определяет. Он – замкнутое в себе целое, каковым в неорганической природе является лишь *Космос* как совокупность всех отдельных явлений в целостной системе. В органической науке, напротив, идеалом будет: иметь перед собою в типе и в формах его явлений в максимальном совершенстве то, что мы видим *развивающимся* в ряде отдельных существ. Проведение типа через все явления [2, с. 80], – вот что имеет здесь решающее значение.

В неорганической науке – *система*, в органической – *сравнение* (каждой отдельной формы с типом). По Штайнеру, коренное отличие между науками о неорганическом и органическом состоит в том, что тип не определяет, что при известных условиях должно наступить какое–то явление (как в неорганическом мире) он не устанавливает отношения, существующего между внешне противостоящими и чуждыми друг другу звеньями. Он определяет только закономерность *своих* собственных частей. Он не указывает, как закон природы, за пределы самого себя. На место *доказывающего* метода здесь ставится, можно сказать, индивидуально–развивающий. Тип есть более полная научная форма, чем первофеномен, так как он предполагает *более напряженную деятельность нашего духа*, чем последний. При размышлении над вещами неорганической природы чувственное восприятие дает нам готовое содержание, форму которому придает дух. В типе же содержание и форма *тесно связаны* друг с другом. Поэтому тип не определяет содержание чисто

формально, как закон, но пронизывает его жизненно изнутри как свое собственное. И эту жизненность ученый воспринимает, *вживаясь* в предмет исследования, чувствуя единство с этим предметом *через переживание и проживание его формирования*.

Поэтому методом познания в науках об органической природе является *интуиция*. Мышление, для которого содержание является в непосредственной связи с формальным, носит название *интуитивного*, где сила суждения должна *мысля созерцать и созерцая – мыслить*. Этим определяется *способность созерцательного суждения* по Гете. Если тип в области органической природы заменяет закон природы (или первофеномен) неорганической, то интуиция (способность созерцательного суждения) заступает место способности доказательного суждения. Интуиция есть непосредственное пребывание внутри истины, проникновение в нее, которое дает нам все, что вообще имеет какое-либо значение по отношению к ней. Истина всецело содержится в том, что дано нам в нашем интуитивном суждении. Поэтому для *органической науки интуиция есть адекватный этому предмету метод* [2, с. 77–78].

Произведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Антропософский подход, основывающийся положении о *духовной* природе человека как высшей форме его развития, в отличие от традиционно-рационалистического видения сути научного познания, основой научного знания определяет *воспринятное мышление*, в котором и восприятие, и мышление выступают равноправными участниками постижения истины. Главной особенностью такого понимания природы научного знания является *целостность*, природа которой коренится в целостной природе сознания человека, – *его духа*. Из духа черпаются все определения целостности, которые наука использует для систематизации явлений *внешнего* мира (как это имеет место, например, в системном подходе). Разработка вопроса о роли непосредственности на основе единства восприятия и мышления является перспективной с точки зрения раскрытия творческого механизма познавательного процесса и понимания сущности коэволюционного процесса Человека и Природы.

2. Отмеченное Рудольфом Штайнером отличие наук о неорганической и органической природе имеет принципиальное значение для понимания роли гуманитарного знания как в естественно-научных исследованиях, так и для осознания взаимосвязи естественных и гуманитарных наук. Ключевым положением в этом вопросе является установленное отличие наук о неживой и живой природе. Первые, согласно Штайнеру, основываются на выявлении причинно-следственных связей с помощью логических средств. Вторые же основным инструментом познания имеют *интуицию*, с помощью которой исследователь органических процессов приходит к понятию *типа* как основной единицы осмысления природы живого. Тем самым феномен интуиции у Штайнера становится *конструктивным* элементом научного знания, т.е. элементом, органически встроенным в понятийное ядро научной теории в отличие от того, что традиционно интуиция рассматривается как эвристический

инструмент лишь на *начальной* стадии формирования научной теории. В этом смысле перспективным было бы изучение роли *вживания* ученого в предмет исследования (интуитивный и, практически, неосознаваемый процесс) и его связь с логико-дискурсивной составляющей формирования и развития научной теории, а также при смене парадигм и научно-исследовательских программ.

Список использованных источников

1. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристике до конца XV века. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с.
2. Штейнер Р. Очерк теории познания Гетевского мировоззрения – составленный, принимая во внимание Шиллера. – М.: Парсифаль, 1993. – 144 с.
3. Штайнер Р. Философия свободы: пролог к «Философии свободы» // Р. Штайнер. Истина и наука. Философия свободы. – СПб.: Деметра, 2007. – 440 с.
4. Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // И. Г. Фихте. Сочинения в двух томах. Т.1. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. – СПб.: «Наука», 1992. – 443 с.

References

1. Zhil'son Je. Filozofija v srednie veka: Ot istokov patristiki do konca XV veka. – M.: Kul'turnaja revoljucija, Respublika, 2010. – 678 s.
2. Shtejner R. Oчерk teorii poznaniija Getevskogo mirovozzrenija – sostavlennij, primimaja vo vnimanie Shillera. – M.: Parsifal', 1993. – 144 s.
3. Shtajner R. Filozofija svobody: prolog k «Filozofii svobody» // R. Shtajner. Istina i nauka. Filozofija svobody. – SPb.: Demetra, 2007. – 440 s.
4. Fihte I. G. Osnova obshhego naukoucheniija // I. G. Fihte. Sochineniija v dvuh tomah. T.1. – SPb.: Mifril, 1993. – 687 s.
5. Gegel' G. V. F. Sistema nauk. Chast' pervaja. Fenomenologija duha. – SPb.: «Nauka», 1992. – 443 s.

Vashkevich V. M., doctor of philosophical sciences, professor, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), gileya.org.ua@gmail.com

Osipov A. O., doctor of philosophical sciences, professor, prof. of Sociology department of Petro Mohyla Black Sea National University (Ukraine, Mykolaiv), anatolosipova2@gmail.com

Formation and development of outlook of Rudolf Steiner Article 2. Science in the light of anthroposophy

The general features of scientific knowledge, which is based on perceptual thinking, as well as the difference between the sciences of inorganic and organic nature according to the teaching of anthroposophy are determined. The content of anthroposophical positions with application of the methods of phenomenology and hermeneutics is disclosed.

Keywords: perception, spirit, idea, intuition, thinking, direct, experience, experience, concept, judgment, «I».

Vashkevich V. M., доктор філософських наук, професор, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

Osipov A. O., доктор філософських наук, професор, професор кафедри соціології, ЧНУ ім. Петра Могили (Україна, Миколаїв), anatolosipova2@gmail.com

Формування і розвиток світогляду Рудольфа Штайнера Стаття 2. Наука у світлі антропософії

Визначені особливості наукового пізнання, яке ґрунтується на сприйняттовому мисленні, а також відмінність наук про неорганічну і органічну природу відповідно до вчення антропософії. За допомогою методів феноменології і герменевтики виявляється зміст антропософських положень.

Ключові слова: сприйняття, дух, ідея, інтуїція, мислення, безпосереднє, досвід, переживання, судження, «Я».

* * *